

ездил с гастрольями по стране. К нему прикрепили администратора Семена Осипова. В ВГКО Александру Николаевичу установили норму — двадцать четыре концерта в месяц. Та же норма, двадцать четыре рабочих дня, что и у всех рабочих и служащих.

Веселые рассказы

У Вертинского было прекрасное чувство юмора, он любил шутить. В послевоенное время при образовании дружественной СССР Северной Кореи был лозунг: «Руки прочь от Кореи!». Александр Николаевич, побывав в Елисеевском магазине, дома рассказал, что хотел купить кусочек корейки, но увидел лозунг: «Руки прочь от корейки!». Испугался, так и ушел, не купив ее. Забавляло его также название «Халва для диабетиков», а крыжовенное варенье он всегда называл «крыжопенным».

Вертинский с улыбкой рассказывал, что молодым делил людей на талантливых и бездарных, талантливым все прощал. Потом разделял людей на умных и глупых. А с возрастом стал делить на воспитанных и невоспитанных, стараясь по возможности не сталкиваться с последними.

У Александра Николаевича было много веселых рассказов. Например, о том, как в эмиграции русские женщины, которым пришлось работать кельнершами в ресторанах, подавали клиенту тарелку борща с таким видом, будто хотели сказать: «Нате! Пейте мою кровь! Смотрите, до чего вы меня довели!». А клиенты не виноваты, не они делали революцию. «Так что получались «борщ с надрывом» и «ностальгия вместо меню».

Еще одна юмореска Вертинского: «У меня в Париже была приятельница, киноактриса. У нее имелся аквариум с очень дорогими рыбками. Среди них одна — любимая, синяя с желтым шлейфом, стоившая тысячу

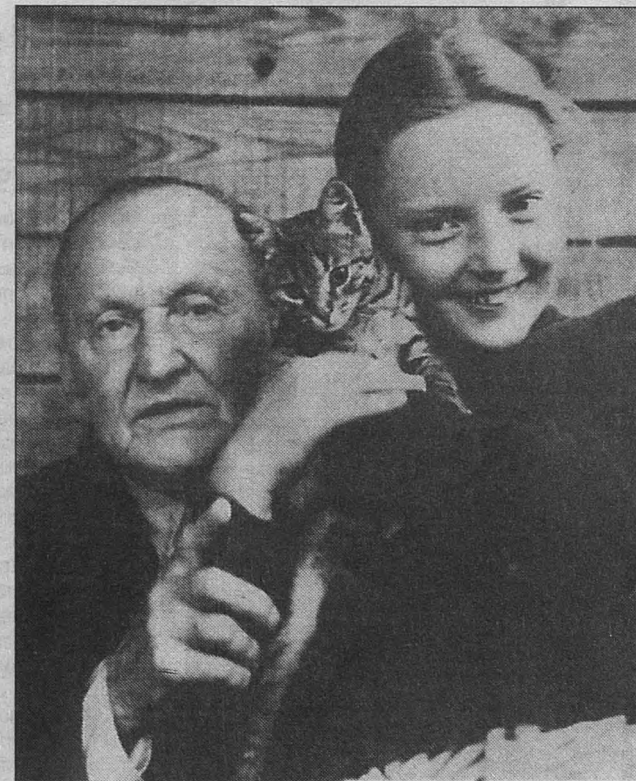
франков. Однажды я застал актрису в слезах, ее рыбка была больна. Актриса умоляла меня спасти рыбку, требовала, чтобы я вез ту в лучший госпиталь Парижа, созвал консилиум врачей. Я взял рыбку в банку и повез. Куда?

Рыбных докторов даже в Париже нет. К ветеринару? Глупо. А рыбка и издохла через пять минут. Я зашел в магазин с рыбками и купил новую — точно такую же, как сдохшая, и привез актрисе. Она была в восторге: «Вы волшебник, Саша! Что вы с ней сделали? Как спасли ее?». Я скромно сказал, что поставил рыбку клизму».

В одном берлинском обществе русских, где присутствовал Александр Николаевич, гости перешли на вечную тему о том, кто и что потерял в России. Одна немолодая дама, вздохнув, рассказала, что ее отец был генералом в особом чине и как чудесно они жили в собственном особняке с приемами, балами. Дама помолже поведала о своих родителях, богатых помещиках, имевших огромные земли, усадьбы, фруктовые сады, хозяйства... Потом вступил в разговор солидный господин, у которого родной брат был губернатором и глупоком уважением пользовалась вся его семья... Вертинскому так надоели эти разговоры, что он направился в угол гостиной к приятному господину, сочувственно глядевшему на него и гладившему сидевшую на руках собаку. Вертинский тоже погладил собаку и спросил, какой породы эта собачка. Господин серьезно ответил: «До революции она была сенбернаром».

«Солнце в консервах»

Много ласковых, нежных писем Вертинский писал своим доченькам, и они ему отвечали трогательными детскими письмами. Все до единого письма я храню и надеюсь, что со временем мои дочери соберутся и издадут их

1952 год. Александр Вертинский, Марианна и кот Федул.

вместе со своими воспоминаниями.

Александр Николаевич любил придумывать забавные и ласковые прозвища своим близким. Нашу маленькую дочь Настеньку он называл «Воробушкин-Голубчик», «Красопуличка» и «Дюймовочка». А Машеньку звал «Биби», «Золотой мой Бибулек» и еще «Солнце в консервах». Меня он называл «Лили», «Лилечка» или «Пека».

Вертинский любил кошек, а особенно любил забавляться с маленькими котятками. Кошкам, которые жили у нас, он сам давал имена. Например: «Кот Федул», «Клафедрон» или «Тимофей». А кошек называл «Феклуша», «Маруся» или «Фаншетта». Однаж-

ды, еще в Шанхае, он заявил, что не мог под утро заснуть и явственно слышал разговор кошек на крыше: «Марруся!» — зывал кот. «Я не Марруся, я Варрвара!» — отвечала кошка. Александр Николаевич считал, что кошки благородные животные, и когда кошке срок умирать, то она уходит из дома, исчезает, умирая вдаль от дома и людей.

Вертинский не раз говорил, что, когда придет время ему умереть, он не хотел бы этого дома, чтобы мы, его родные, не видели «кухни смерти». И получилось так, как он хотел. Умер не дома в Москве, а в Ленинграде во время гастрольной поездки.

С сокращениями.
Заголовки даны «ВК»

1949 год. Александр Вертинский и Настя у входа в школу.